

УДК 81'42
ББК 81.001.1

МАГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК СУГГЕСТИВНЫЙ ТИП КОММУНИКАЦИИ

Е.С. Гончарова

В статье описан магический дискурс как суггестивный тип коммуникации. Выявлены особенности реализации магического дискурса. Охарактеризованы отличительные признаки волшебной сказки и фэнтези.

Ключевые слова: магический дискурс, суггестивная коммуникация, сказка, магия, фэнтези.

С древнейших времен человечество пытается постичь смысл окружающего его мира, это касается как природы, продуктов человеческой деятельности, так и слов, мимики, жестов. Однако самым загадочным явлением, которое пытались разгадать на протяжении тысячелетий выдающиеся философы, психологи и лингвисты, представляется человеческое сознание. Магия, как и религия, есть продукт человеческого сознания. Интеллектуальная деятельность человека всегда отличалась креативностью, с ее помощью выделялись самые неуловимые и непонятные. Так, к весьма детальной концептуализации с последующей вербализацией привели человека мысли, с помощью которых он пытался описать свое шестое чувство – ощущения, интуицию, предчувствия, страхи, связанные с недостаточным знанием о себе и окружающем мире. Человек замещал и продолжает замещать их вымыслом о магии и волшебстве, с помощью которых якобы можно объяснить слабо понятные ему процессы и явления.

Востребованность исследования магии объясняется конститутивными признаками магии как формы миропонимания: древностью происхождения, хорошей разработанностью человеческого образа, обращением ко всем сторонам человеческой личности, прежде всего, к сфере бессознательного – чувствам, эмоциям, фантазии, воображению,

интуиции. «Магия не только воплощается человеком, но и человекна по своей направленности» [6, с. 515].

Магия неотделимо связана с религией. Сущность религии состоит в вере человека в сверхъестественное, включающей в себя свод моральных норм и типов поведения, обрядов и культовых действий. Вера обнаруживает то, что невидимо, недоступно обыкновенному взгляду, вера – это дополнительное видение мира, вера дарует новое откровение бытия. Область магии также основана на вере, если нет веры, нет и магии.

Общность религии и магии обнаруживается в их цели – обращении к вере в сверхъестественное вследствие эмоционального стресса, сложных жизненных ситуаций (так называемых жизненных тупиков), когда действительность не позволяет человеку найти иной путь. И магия, и религия прямо опираются на мифологическую традицию, на чудесное ожидание раскрытия человеку своей чудотворной силы. В религии эта сфера наполняется духами и душами, провидением, сверхъестественными покровителями рода и провозвестниками его тайн; в магии – первобытной верой в силу волшебства магического заклинания. Различия наблюдаются в средствах достижения этой цели.

В сакральной сфере магия выступает как некое практическое искусство, служащее для выполнения действий, каждое из которых является средством достижения определенной цели; религия – как система таких действий, выпол-

нение которых само по себе есть некоторая цель. Практическое искусство магии обладает определенной и применяемой в строгих границах техникой исполнения: магическая семиотика, магическая вербалика и магические способности исполнителя образуют постоянное триединство, называемое магическим ритуалом.

Религия во всем многообразии ее аспектов и целей не имеет столь простой техники; ее единство не сводится ни к системе формальных действий, ни даже к универсальности ее идейного содержания, оно, скорее, заключается в выполняемой функции и в ценностном значении веры и ритуала. Верования, свойственные магии, в соответствии с ее практической направленностью крайне просты. Это всегда вера во власть человека достигать желаемой цели с помощью магического ритуала.

В отличие от религиозного дискурса, базирующегося на сакральности как основе нейтрализации эзотерических фобий, магическое дискурсопорождение основано на мистическом содержании текстов [1, с. 103].

Существует множество определений магии, но релевантным для нас представляется то, в котором отражена ее сопряженность с религией. Сфера магии определяется в культурологии как «первобытная форма религии, колдовство, система определенных действий и слов, посредством которых, по представлениям древних народов с примитивной культурой, можно подчинить себе так называемые сверхъестественные силы и с их помощью вызвать чудесные явления» (ТСРЯ, т. II, с. 112). В религиозно-мистических представлениях магия означает «совокупность действий и слов, якобы обладающих чудодейственными свойствами, способных подчинять сверхъестественные силы и совершаемые действия с целью повлиять на явления природы, животных и людей» (ПСРЯ, с. 462).

Итак, магия – одна из древнейших форм религиозности (наряду с анимизмом, тотемизмом и фетишизмом), связанная с верой в способность человека оказывать влияние на силы природы, судьбу отдельных лиц или целых народов с помощью магической семиотики (оберегов, амулетов, талисманов, инструментов и т. д.) и магической вербалики – текстов (заговоров, заклинаний, примет и т. д.), которые в совокупности образуют магический ритуал.

В современном социуме магический дискурс представляется как разновидность институционального общения (см., например: [5]). Безусловно, по сравнению с прежними этапами развития социума данный тип общения обнаруживает тенденцию к исчезновению. В Средние века «повседневное и сверхъестественное не были отделены в крестьянском сознании», колдуны и колдуньи, знахарки и прорицатели «были жизненно необходимы для благополучия и нормального функционирования сельского коллектива» и магией в той или иной мере пользовался каждый [3, с. 32]. Современное общественное сознание не связывает магический дискурс с каким-либо конкретным социальным институтом. Как особая культурная система, он растворяется в научной, религиозной и медицинской коммуникации.

Магический дискурс выделяется на основании системообразующих признаков: его целей и участников. Общение происходит в заданных рамках статусно-ролевых отношений [5, с. 9]. Целью магического дискурса является реализация базовых стратегий предостережения, коррекции и протекции. В качестве участников выступают: клиент – лицо, которое обращается за помощью, и агент – носитель тайного знания, посредник, осуществляющий общение между клиентом и сверхъестественными силами. Принципиальное неравенство участников коммуникации специально демонстрируется внешним видом агента, его поведением, наличием знаковых атрибутов магического процесса, специфическим способом произнесения магических текстов. Представление о более высоком статусе агента, его необычных способностях и возможностях отражено в языке большим количеством наименований для агентов магического дискурса: *маг, волшебник, чародей, колдун, чудотворец* и др.

Ключевыми концептами магического дискурса выступают «чудо» и «тайна», которые отражают ценность сверхъестественного как силы, обладающей неограниченными возможностями.

В основе магического дискурса лежат восходящие к наивной картине мира мистика, вымысел, волшебство, которые вербализуются в магических текстах. Вслед за Е.Ю. Ильиной, выделим три типа вымысла, основанного на различии в интенциях говорящего: эв-

ристический, манипулятивный и эстетико-художественный. Основой эвристического вымысла объявляется намерение объяснить непонятные и неизвестные человеку явления, манипулятивного – внедрить в сознание социума искаженную информацию, эстетико-художественного – обеспечить эстетические потребности человека [4, с. 70]. На основании данной типологии магический дискурс подразделяется на сказочную и бытовую магию.

Основой бытового типа магии является эвристический вымысел, с помощью которого осуществляется нейтрализация фобий, порожденных бытовыми предрассудками вследствие существования феноменов, суть которых непонятна человеку. Особое место в бытовой магии занимает магический текст, который обладает ярко выраженным суггестивным потенциалом, символически насыщен и реализует базовые стратегии предостережения, коррекции и протекции. Предостережение выражается в прогностических установках (вербально-прогностический жанр), направленных на предупреждение о возможных опасностях, зафиксированных в этноспецифической системе предупреждающих знаков (примет). Коррекция направлена на исцеление недугов и нормализацию девиантного психосоматического состояния через четко алгоритмизированные, семиотически насыщенные обряды и заговоры (вербально-суггестивный жанр). Протекция как защита от враждебных внешних воздействий осуществляется через заклинания (вербально-акциональный жанр) и символически насыщенные ритуалы.

Сказочная магия сочетает в себе манипулятивный и эстетико-художественный типы вымысла, для передачи которых в дискурсивной культуре каждого социума сформировалась система дискурсивных средств, позволяющая обслуживать разные потребности человека в вымысле и представлять его в вербальной форме. Несмотря на очевидные различия в мотивах и интенциях использования сказочного вымысла, его создание (конструирование) связано с типовыми лингвокогнитивными процедурами работы воображения, базирующимися на ассоциативном характере мышления, и любые смысловые изменения (искажения, трансформации, модификации) соотносимы с процедурами перекатегоризации знаний о мире и последующим выражением новых идей в словесной форме. Концепто-

гически вымысел опирается на категориальную системность мира действительного, познанного человеком, и представляется как процесс вторичной концептуализации, связанной с осмыслением или переосмыслением признаков известных понятий, с разными коммуникативно-дискурсивными целями, с установлением новой системности и последующим выражением новых смысловых образований в вербальной форме.

Источниками сказочной магии являются тексты таких жанров, как волшебная сказка и фэнтези – чрезвычайно популярного у читателей и вызывающего в настоящее время большой интерес у исследователей.

Остановимся подробнее на характеристике этих жанров. Некоторые ученые полагают, что волшебная сказка и фэнтези – это один и тот же жанр художественной литературы. На наш взгляд, это утверждение абсурдно, поскольку, несмотря на их схожесть, это принципиально разные жанры.

Семантику волшебной сказки можно интерпретировать, учитывая ее мифологические истоки. Это все та же мифологическая семантика, хотя уже оторванная от племенных верований, принявшая некоторую поэтическую условность, а также испытавшая сдвиг от космического к социальному и индивидуальному. Например, важнейшая мифологическая оппозиция «высокий/низкий» имеет в сказке не космический, а социальный смысл.

Волшебная сказка отражает важнейшие символы, мотивы и сюжеты мифов, что подтверждается в работе В.Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки». Специфические особенности мифологического мышления, а также первобытные фетишистские, тотемические, анимистические, магические представления, мифологические медиации во многом определяют своеобразие сказочной фантастики, саму жанровую форму сказки (см., например: [7]).

Основные процессы преобразования мифа в сказку происходят при помощи деритуализации и десакрализации, то есть ослабления строгой веры в истинность мифических «событий», развития сознательной выдумки, потери этнографической конкретности, замены мифических героев обыкновенными людьми, мифического времени – сказочно-неопределенным, ослабления или потери этиологизма, перенесения внимания с коллективных судеб на индивидуаль-

ные и с космических на социальные, с чем связано появление ряда новых сюжетов и некоторых структурных ограничений.

Фэнтези как самостоятельный жанр художественной литературы сформировался в начале XX века. Он представляет собой вымышленные ментальные конструкции, объективируемые в фантазийно-игровой деятельности сознания, которые демонстрируют неограниченный полет авторской фантазии и являются их текстотипологическими характеристиками. Иллюзорная неузнаваемость вымышленных конструкций определяется отсутствием у них денотата в окружающем читателя действительном мире.

Фэнтези сочетает в себе признаки как волшебной сказки, так и мифа, но трансформированные, переосмысленные лингвокреативной личностью. Наиболее четко этот феномен отражен в определении фэнтези, данном Э. Геворкяном: «Сказочная фантазмагория вымышленных миров с мистико-средневековой атрибутикой» [2, с. 11]. Лингвокреативное начало играет ведущую роль в процессах концептуализации и вербализации вымышленных понятий. Перечислим признаки, позволяющие разграничить понятия волшебной сказки и фэнтези:

1) в волшебной сказке происходит переосмысление реальности, передача в зашифрованном виде древних знаний и народной морали; фэнтези декларирует чистый уход от реальности в несуществующий мир;

2) сказочные герои в нравственном плане обладают четкой полярной окраской – «добро» и «зло»; в фэнтези эта окраска размыта;

3) волшебная сказка имеет в своей основе четкую композицию (экспозиция, зачин, развитие сюжета, кульминация, развязка) и сюжет; в фэнтези такая композиция отсутствует;

4) сказочные или мифологические «сценарии», используемые в фэнтези, не являются сюжетом произведения в целом.

Вышеперечисленные признаки позволяют утверждать, что волшебная сказка и фэнтези являются самостоятельными жанрами магического дискурса, в основе которых лежит магия, фантазия и волшебство, они строятся на вымысле, реализуемом в языке посредством системы архетипов, символов, персонажей и семантических пространств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астафурова, Т. Н. Лингвосомиотика власти: знак, слово, текст / Т. Н. Астафурова, А. В. Олянич. – Волгоград : Нива, 2008. – 244 с.
2. Геворкян, Э. Чем вымощена дорога в рай? / Э. Геворкян // Антиутопии XX века: Евгений Замятин, Олдос Хаксли, Джордж Оруэлл. – М. : Кн. палата, 1989. – С. 5–12.
3. Гуревич, П. С. Мистицизм против человека / П. С. Гуревич. – М. : Знание, 1987. – 61 с.
4. Ильинова, Е. Ю. Вымысел в языковом сознании и тексте / Е. Ю. Ильинова. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2008. – 513 с.
5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепт и дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
6. Малиновский, Б. Магия и религия / Б. Малиновский // Религия и общество : хрестоматия по социологии и религии. – М. : Аспект Пресс, 1996. – С. 509–534.
7. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 2000. – 333 с.

СЛОВАРИ

ПСРЯ – Популярный словарь русского языка. Толково-энциклопедический / сост. А. П. Гуськова, Б. В. Сотин. – М. : Рус. яз., 2003. – 869 с.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Астрель : АСТ, 2000. – 528 с.

MAGIC DISCOURSE AS SUGGESTIVE TYPE OF COMMUNICATION

E.S. Goncharova

The article describes magical discourse as a suggestive type of communication, indicates the features of realization of magical discourse, reveals the characteristic features of fairy tales and fantasy.

Keywords: *magic discourse, suggestive communication, fairytale, magic, fantasy.*